

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

О ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЕ В ВИЗАНТИИ XI—XII вв.

Проблема формирования и развития византийской феодальной вотчины поставлена только в трудах ученых-марксистов. Они наметили пути возникновения вотчины, выраставшей из свободной деревни, определили структурные типы вотчинной организации, выяснили соотношение деревни и поместья, рассмотрели способы создания крупного землевладения¹. Поставить вопрос о развитии вотчины — это значит прежде всего проследить, как растет крупное землевладение, как возникает в его пределах особая система землепользования: наделы зависимых крестьян рядом с барской запашкой, и, наконец, как создается в непосредственной близости к крестьянину аппарат насилия для изъятия ренты. Истоки этих процессов уходят вглубь IX и даже VIII столетий, и в литературе еще не окончен спор о том, сложилась ли к IX—X вв. вотчинная система эксплуатации крестьянства². Но нам сейчас важно не это, ибо к какой бы точке зрения мы ни склонились³, ясно одно: свои «чистые» формы вотчинная эксплуатация начинает приобретать только с конца X и в особенности в XI—XII вв. Именно поэтому мы избрали XI—XII столетия для наблюдения над процессом формирования феодальной вотчины в Византии⁴. Эта широкая проблема в виду недостатка источников не во всех своих аспектах поддается удовлетворительному разрешению⁵. На мой взгляд особенно настоятельна

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества. — УЗ Свердловского Гос. пед. ин-та, 1948, стр. 78—89; Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. — ВВ, III, 1950, стр. 26 сл.; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; К. А. Осипова. Развитие феодальной собственности на землю и закрепощение крестьянства в Византии в X в. — ВВ, X, 1956, стр. 74 сл.; З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, № 10, 1958, стр. 86 сл.; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1960, № 2, стр. 102—103.

² См. об этом работы Г. Острогорского и А. П. Каждана (G. Ostrorogorsky. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 11 sq.; А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, стр. 49 сл.) и возражения М. Я. Сюзюмова (О характере и сущности общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 46 сл.; е го ж е: Некоторые проблемы истории Византии. — ВИ, № 3, 1959, стр. 109).

³ В целом более убедительными мне представляются взгляды Г. Острогорского и А. П. Каждана (см. М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. — УЗ Великолукского Гос. пед. ин-та, вып. 3, 1958, стр. 361 сл.).

⁴ См. также наши статьи: «Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI—XII веках («УЗ Великолукского пед. ин-та», вып. 2, 1956, стр. 105—134); «Экскуссия в Византии XI—XII вв.» (там же, вып. 3, 1958, стр. 339—365); «Монастырская вотчина в Византии» (там же, т. 4, вып. 2, 1959, стр. 56—74).

⁵ Нашими основными источниками были описи церковных владений, извлеченные из монастырских уставов (L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. — ИРАИК, XIII, 1908, далее — БМ; L. Petit. Typicon de Grégoire

необходимость решения следующих вопросов: о соотношении вотчины и свободной деревни, об организации вотчинного управления, о собственном хозяйстве феодала и о различных типах вотчины. Однако наиболее важен вопрос о структуре феодальной вотчины.

Описи владений крупных монастырей той эпохи показывают, насколько различен был характер угодий и поселений, находившихся в собственности землевладельцев. Здесь можно найти крепости (*ἀκρωτήρια*), замки (*καστέλλια*), усадьбы (*αὐλαί*), прибрежные участки (*σχάλα; παραλία δίκαια*), обнесенные стенами поселения (*κάστρα*), но чаще всего мы встречаемся с деревней (*χωρίον*) и проастием (*προάστειον*). И деревня и проастиий в равной мере могут иметь в своем составе зависимых крестьян и служить синонимами вотчины. Некоторые описи знают еще и метох (*μετόχιον*), но он обладает чертами не столько вотчинной, сколько монастырской организации.

М. В. Левченко находил корни проаствия в VI—VII вв., считая его уже для того времени именем, разделенным на участки колонов⁶. М. Я. Сюзюмов подчеркивает совсем другие черты в облике раннего проаствия, он видит в нем поселение, выросшее в непосредственной близости к городу и связанное с ним рыночными отношениями. Лишь после X в., по мнению М. Я. Сюзюмова, проастиий начинает приобретать черты феодальной вотчины⁷. Податной устав знает два типа проастиев: *προάστεια ιδιόστατα*, т. е. хутора, не связанные с деревней в податном отношении⁸, и *προάστεια συναγόμενα*⁹. Это деление проастиев на два вида дало основание Ф. Дёлгеру сделать вывод о наличии в Византии X—XI вв. проастиев, находившихся в составе деревни¹⁰. Ф. И. Успенский ограничивался указанием на то, что в проастиии преобладают земельные участки, занятые зависимыми крестьянами¹¹. Г. Острогорский, напротив, подчеркивает фольварочный характер проаствия, называя его «фермой»¹². Наконец, в послед-

Расcourianos. — ВВ, XI, 1904. Приложение; А. Дмитриевский. Типикон константинопольского Пандократоровского монастыря. — «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока», ч. 1. Τυπικά. Киев, 1895, далее — Панд.). К сожалению, они дают лишь суммарные сведения, а сколько-нибудь подробная пометная опись, так называемая «Патмосская писцовая книга» 1073 г. (ММ, VI, р. 5—15), является единственным источником такого рода. Более полную картину роста крупного собственника дает ценное собрание актов Лавры (Actes de Lavra, I, ed. G. Rouillard et P. Collomp. Paris, 1937, далее — Lavra), дополненное другими источниками по истории этой обители (Ph. Meyer. Die Hauptkunden für d. Geschichte d. Athoskloster. Leipzig, 1894). Неоценимые сведения дают частные документы: переписка Михаила Пселла (Michael Psellos. Scripta minora, ed. E. Kurtz et F. Drexler, vol. II. Milano, 1941, далее — SM), завещание Евстафия Воилы (В. Н. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. — ЖМНП, май 1907, стр. 218—231, далее — Воила), сочинение Кекавмена (Cecumeneni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus, ed. V. Wasiljewsky et V. Jernstedt. Записки иср.-фил. фак-та СПб. ун-та, т. XXXVIII, 1896, далее — Strat.) и, наконец, житийная литература, среди которой следует отметить исключительно богатое бытовыми подробностями житие Лазаря Галесийского (AASS Novembris, III, р. 508—588, далее — Лазарь).

⁶ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи. — ВС, 1945, стр. 74.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 60.

⁸ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig, 1927 (далее — Трактат), S. 116.1; см. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 85.

⁹ Трактат, S. 114. 27.

¹⁰ F. Dölger. Beiträge... S. 137—139.

¹¹ В. Н. Бенешевич и Ф. И. Успенский. Вазелонские акты. Л., 1927, стр. XVIII.

¹² G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches in X. Jahrhundert — VfSWG, XX, 1927, S. 107.

нее время на этом вопросе остановился А. П. Каждан, который различает три вида проастия: проастий, не связанный с деревней, являющийся частью деревни и охватывающий собою деревню¹³.

Очевидно, прежде всего нужно определить отношение проастия к деревне. Для этого мы обратимся к двум описаниям монастырских владений: описи монастыря Богородицы Мироспасительницы близ Эноса во Фракии¹⁴ и описи столичного монастыря Пандократора¹⁵. Обе они относятся ко второй трети XII в. и дают сведения о крупном землевладении. Бросается в глаза, что в этих документах проастий нигде не совпадает с деревней. Больше того, даже в тех случаях, когда проастий и деревня лежат рядом или даже один внутри другого, опись дает строгое разграничение обоих поселений. Так, в двух случаях упоминается проастий, лежащий внутри деревни¹⁶, и один раз — деревня и прилегающий к ней проастий¹⁷. Правда, проастий мог быть генетически связан с деревней, как видно из таких народных или чисто «деревенских» названий, как $\Sigma\theta\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\iota$ ¹⁸, $\Sigma\theta\lambda\alpha\beta\omicron\pi\acute{\omega}\lambda\omicron\nu$ ¹⁹ или $\text{Νεο}\chi\acute{\omega}\rho\iota\omicron\nu$ ²⁰, но на практике проастий и деревня почти никогда не смешивались²¹. Любопытно, что соотношение тех и других поселений в обеих описях приблизительно одинаково (БМ — 12 деревень и 14 проастиев, Панд. — 22 деревни и 27 проастиев) с некоторым перевесом в пользу проастиев.

От термина «проастий» недалеко по смыслу и другой термин — «οἶκος»²². Правда, οἶκος Пандократора близ Редесто носит характер типичного городского здания: он сдается в наем под квартиры²³, но уже другой «икос» (οἶκος τοῦ Νεστογγίου) упомянут вместе с хорафиями²⁴. Прочие же οἶκοι, названные в описи, поименованы рядом с οἰκοτασία (термин этот, по нашему мнению, означает сельский участок с возведенными на нем постройками).

Опись Ивирского монастыря не знает деревень ($\chi\omega\rho\iota\acute{\alpha}$), но постоянно упоминает проастий рядом с агридием ($\acute{\alpha}\gamma\rho\iota\delta\iota\omicron\nu$). Проастий, несомненно, больше агридиев: последние названы при нем, они как бы «тянут» к нему, несмотря на то, что и агридии бывали крупными и могли включать в себя мельницы и сады²⁵. Становится ясно, что со времени издания Податного устава, где проастий и агридий охарактеризованы как родственные поселения, возникающие в результате распада общины²⁶, проастий приобрел гораздо больший вес в хозяйственной жизни деревни.

¹³ См. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья. . . , стр. 103; его же. Деревня и город. . . , стр. 85.

¹⁴ L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira, p. 52 sq.

¹⁵ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей. . . , стр. 697 сл.

¹⁶ $\chi\omega\rho\iota\omicron\nu$ . . . $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omega}$ $\pi\rho\acute{\omicron}\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\omicron\nu$. — Панд., стр. 697.27; $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\acute{\omega}$ $\chi\omega\rho\iota\acute{\omega}$ . . . $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\pi\rho\acute{\omicron}\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\omicron\nu$. — Панд., стр. 697.6.

¹⁷ БМ, стр. 52.17.

¹⁸ Панд., стр. 697.35.

¹⁹ Там же, стр. 698. 18. Ф. Дэльгер настойчиво подчеркивает народный, славянский характер этого поселения (F. Dölger. Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike. — SBAW, 1952, Heft 1, S. 24).

²⁰ БМ, стр. 52. 26.

²¹ Правда, у нас есть одно свидетельство Пиры о том, что деревня могла называться «икопроастием» (Пира, XXVI, 15), и указание новеллы 996 г., что Филокалес превратил деревню «в собственный проастий» (Jus, III, 310.15), но это шаткое основание для вывода о совпадении деревни с проастием (см. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья. . . , стр. 103).

²² Для X в. это сходство отметил А. П. Каждан (там же, стр. 99 сл.).

²³ $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\kappa\eta\lambda\acute{\omega}\nu$. — Панд., стр. 697. 10.

²⁴ Панд., стр. 697.11.

²⁵ F. Dölger. Aus den Schatzkammern d. Heiliges Berges. München, 1948, N 35.63.

²⁶ Трактат, стр. 113.21.

Далеко не все описи земельных владений содержат упоминания о проастиях. Так, из всех своих владений Михаил Атталиат передал дому для бедных только один проастий²⁷, хотя вся недвижимая собственность Атталиата была расположена внутри или вокруг двух городских центров — Константинополя и Редесто. Создается впечатление, что к концу XI в. полностью исчезают проастии того типа, которые в VII—X вв. образовывали вокруг городов широкий пояс пригородных хозяйств.

Трудности определения проастия носят не только терминологический характер. В завещании Евстафия Воилы (1059 г.) отразилось стремление определенной части византийских помещиков к созданию собственного хозяйства. Казалось бы, что поселения, созданные самим помещиком, должны были больше напоминать усадьбу, чем, скажем, деревню, и тем не менее они названы в завещании *χωρία*. Впрочем, назвав Иссею и Паравуни *χωρία*, автор завещания сам же далее именует их *κτῆματα καὶ προάστεια*²⁸. Можно предположить, что такая непоследовательность объяснялась наличием в этих владениях черт как проастия, так и деревни. Они создавались помещиком непосредственно для своих собственных нужд (т. е. обнаруживают элементы близости к поместью), однако в них, по-видимому, было и зависимое население (о существовании последнего, по-моему, свидетельствуют частые упоминания об аренде), очевидно, жившее деревнями.

Все эти наблюдения еще не позволяют заглянуть внутрь проастия, выяснить его земельные распорядки и в первую очередь — характер землевладения его зависимых крестьян. Именно зависимые (а не мистии и рабы, как это было во времена составления Податного устава²⁹), о чем свидетельствует опись владений Андроника Дуки 1073 г., составляли теперь основное население проастия. В описи упомянуто пять проастиев, в которых размещено 45 крестьянских хозяйств³⁰, распределенных по имениям следующим образом: Варис (главный проастий, к которому тянут все остальные) — 13 париков, Олинф — 10, Гамма — 7, Галайдэ — 12, Меланис — 2 парика. Кроме того два парика сидят еще на отдельных участках в имении Мандракл. Как видим, ни один из перечисленных проастиев не располагал сколько-нибудь значительным числом зависимых крестьян. Характерно, что рента крестьян, описанных в Патмосской писцовой книге, выражена в деньгах и сведена в столбцы. Такой прием применялся, как правило, при описи крестьян, платящих государственные подати. Сугубо казенный характер описанных в книге крестьянских платежей заставляет предполагать, что они отражают только государственные, а не сеньориальные повинности. Это предположение становится уверенностью, когда мы узнаем, что в имениях имеется барская запашка (минимум 420 модиев, судя по количеству сохранившегося семенного хлеба) и крестьяне должны были поэтому выполнять известные барщинные работы. Между тем никаких отработочных повинностей Патмосская писцовая книга не упоминает. Чьим же трудом велась обработка господской земли? Можно выдвинуть следующее предположение. В описываемых имениях в момент переписи

²⁷ ММ, V, р. 304.20 (1077).

²⁸ В о и л а, стр. 223.28, 225.20 и 225.18. Очевидно, это обстоятельство и заставило М. В. Левченко перевести термин *χωρίον*, обозначающий не только эти два поселения, но и два других — Узики и Хосакрати (В о и л а, стр. 223.29), только как «имение» («Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 170—171).

²⁹ Трактат, стр. 115.40.

³⁰ Такая цифра соответствует поименному подсчету крестьянских хозяйств; сама же опись в итоге называет иную цифру, а именно — 49 хозяйств, которую без оговорок принимает П. В. Безобразов (ук. соч., стр. 105) и повторяет М. В. Левченко («Сборник документов. . .», стр. 178).

не велось никакого активного господского хозяйства. Это видно из того, что дома для мистиев пустуют, в главном поместье имеются всего две воловьих упряжки, которыми, видимо, не пользовались; сады и луговые угодья приходят в запустение. Барское хозяйство, очевидно, все-таки существует (для него по-прежнему заготавливается семенной хлеб), но удельный вес его ничтожен. Естественно, что это должно было породить у составителя описи пренебрежение к каким-либо повинностям крестьян, кроме денежных.

Хотя в поместье не ведется активного господского хозяйства, это тем не менее еще не значит, что в нем отсутствует terra dominicata. В этой связи следует обратить внимание на исключительную роль аренды в поместье. Упомянута в описи и арендная плата. Теоретически и она устанавливалась из расчета: 1 номисма — за 10 модиев земли. Этот уровень арендной платы свидетельствует об очень высокой норме присвоения прибавочного продукта, и, может быть, этим и объясняется, что во владениях Андроника Дуки 500 модиев земли оказываются пустующими. Следует отметить, что аренда касалась тех угодьев, где или вовсе не было париков, или были лишь единицы (именно в имении Мандракл, где было всего два парика, плата за аренду достигала огромной суммы в 137,5 ном.). Вероятно, арендуемые участки и крестьянские наделы представляли собой совершенно различные структурные элементы вотчины: арендуемая земля была, очевидно, не чем иным как землей господской — terra dominicata. Исходя из этой гипотезы, можно хотя бы предположительно определить соотношение домениальной и наделной земли.

Если 1 ном. взималась за аренду 10 модиев земли, площадь арендуемого домена в Варисе и соседних имениях должна была составить 2910 модиев земли. Но, как неоднократно явствует из самой писцовой книги, реальная плата была зачастую ниже этой нормы (Наматский монастырь за 95,5 мод. платил не 9,5 ном., а всего — 4). Следовательно, количество сданной в аренду домениальной земли было еще больше: во всяком случае оно превышало 3 тыс. мод. при общем количестве в 7300 мод. Таким образом, на основании данных Патмосской книги можно сделать заключение, что домен в проастинах составлял иногда *немногим меньше половины* всей имеющейся земли. Этот факт представляется нам чрезвычайно важным.

Наблюдения, сделанные на примере Вариса, могут быть проверены при рассмотрении акта обмена земли между казной и афонской Лаврой Афанасия в 1104 г.³¹ Судя по акту обмена, в проастинах Варзаханий имелось 6962 мод. земли и 15 крестьянских хозяйств. Конечно, вся земля не могла быть разделена между этими крестьянами, хотя все они относятся к разряду полнонаделных (зевгаратов), а четверо из них пользуются даже двойным наделом (διςευγαράτοι). Правда, обрабатывалась только половина земли (3549 мод.), но и эти 3549 мод. не могли быть разделены на участки лишь 15 крестьянских дворов. Убедиться в этом нетрудно. По расчетам Ф. И. Успенского³², которые принимает и Г. Острогорский³³, надел зевгарата равнялся 40 модиям. Г. Г. Литаврин³⁴ поднимает эту

³¹ Lavra, № 51. См. об этом: Г. Острогорски. Размена посада и сельака у хрисовули цара Алексија I Комнина Светогорској Лаври из 1104 годиве. — «Исторически часопис», 5, 1955, стр. 19—26.

³² Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии. — ЖМНП, ч. 259, 1888, стр. 253—254.

³³ Г. Острогорски. Размена посада. . . , стр. 23—24.

³⁴ Г. Г. Литаврин. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. — УЗ Ив-та славяноведения, т. XIV, 1956, стр. 244. Впрочем, были и исключения. Так, Алексей Комнин наделил 6 зевгаратов 500 модиями земли (см. ИРАИК, VI, 1900, стр. 39.14).

цифру до 48—50 мод. первосортной земли. Таким образом, количество наделной крестьянской земли в проастии Варзаханий не должно было превышать 900—950 модиев, что в 3—3 $\frac{1}{3}$ раза меньше остальной земли, которую, очевидно, следует признать доменом. Этот домен мог использоваться в качестве луга (в акте сказано: «земля первого качества и *луговая*») или другим путем, но, как бы то ни было, несомненно, что в проастии с его обширным массивом домениальной земли велось и господское хозяйство.

Примерно, такая же картина наблюдалась в проастии Лоротом, где на 23 крестьянских двора, из которых только 9 было полнонаделных, приходилось 3048 модиев земли³⁵. Несколько иным было положение в проастии Асмап, где удобной для обработки земли было значительно меньше — 980 мод. первого качества и 300 мод. второго качества (на 14 хозяйств, из которых лишь 9 были зевгаратными). Однако следует заметить, что в проастии Асмап было очень много неудобной земли: ее площадь в три раза превышала площадь обработанных угодий (3072 мод. против 1280).

Остается проверить правильность наших наблюдений на последнем доступном нам материале — описях имений, переданных монаху Христоуду на о-вах Патмосе и Леросе. На Патмосе из 3860 мод. под обработкой числилось только 627, т. е. в *шесть* раз меньше общего количества³⁶. Проастией Темений, один из двух находящихся на о. Лерос — крошечное владение в 258 мод. (21,5 га), структура его нам неизвестна, но и здесь помимо обработанной земли есть «пастбищная и горная»³⁷. Второй проастией значительно больше первого, в нем 8900 модиев, но самое интересное заключается в том, что обработанной земли (*γῆ σπόριμος*) там в 20 с лишним раз меньше, чем всей, — 409 мод.³⁸ Очевидно, каждый проастией помимо сравнительно небольшого массива крестьянских наделов и значительно большей полосы господских земель располагал еще более обширным поясом неудобных, пустующих земель³⁹. В наши задачи не входит выяснение вопросов, каким путем происходило приобретение этих земель и какие цели при этом ставили перед собой вотчинники. Важно лишь подчеркнуть, что проастией, как мы могли в этом убедиться, включал гораздо больше земли, чем ее можно было обработать с помощью зависимых людей.

Столь своеобразная структура земельных площадей была, разумеется, не случайна. Она отразила своеобразие путей формирования зависимого крестьянства в Византии. Мне уже приходилось отмечать, что пожалование феодалу крестьян государством было не передачей реальных людей, а лишь предоставлением права на поселение этих крестьян⁴⁰. Между тем, переселению на динатские земли подвергались главным образом обнищавшие, оторвавшиеся от земли и потерявшие связи с общиной крестьяне. Становясь «присельниками» (*πάροικοι*, *προσκαθήμενοι*, *προσθήλυτοι*), такие бедняки лишь с течением времени превращались в более или менее самостоятельных хозяев, долгое время продолжая в хозяйственном

³⁵ Акт 1104 г. дает не эту, а меньшую цифру — 2048 мод., но Г. Острогорский («Размена поседа. . .», стр. 24) предлагает конъектуру *τριχίλιων* вместо *δισχίλιων*, и мне его аргументация кажется вполне убедительной.

³⁶ ММ., VI, р. 56.32 (1088). См. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 54, Anm. 4. Горную, пастбищную и пустующую землю упоминает также опись владений Григория Бакуриани (L. P e t i t. Turicon de Grégoire Pasourianos — ВВ, XI, 1904, Приложение, далее — Бакуриани, стр. 13.30).

³⁷ ММ., VI, р. 38.6—8 (1087).

³⁸ ММ., VI, р. 36 (1087); см. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 127.

³⁹ *χώρα ἐξάλειψα*. — так назывались эти земли в Податном уставе (Трактат, стр. 116.12); ср. *ἐξάλειφέντες στίχοι* (ИРАИК, VI, 1900, стр. 39.26). С XII в. эти земли, как правило, именуются *χλάσμα*. — См. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 139.

⁴⁰ См. также: G. O s t r o g o r s k y. Quelques problèmes. . ., p. 25, sq.

отношении зависеть от помещика. Таков был путь создания крестьянской зависимости, которую можно условно назвать «присельничеством»⁴¹.

Остается не совсем ясным, насколько широк был этот путь, но объяснение его специфики, на мой взгляд, может быть найдено. В XI в. и в первой половине XII в. правительство старалось не упускать из-под своего контроля общину — опору государственного финансового режима. Естественно поэтому, что оно стремилось предоставить в распоряжение феодалов лишь бесполезных с точки зрения казны крестьян, «не имеющих своей земли» (*μητέ γῆν ἰδίαν ἔχοντες*) и «неизвестных казне» (*τῶ δημοσίῳ ἀνεπίγνωστοί*), которые появились в результате разложения общины. Эта практика наложила свой отпечаток и на характер византийского иммунитета. Решившись даровать динатам бедняков, государственная власть одновременно отказывалась от каких-либо прав на этих людей. Таким образом, крупным земельным собственникам предоставлялась полная свобода действий; в отношении своих присельников они становились обладателями самого широкого иммунитета. Однако правительство строго следило за тем, чтобы число крестьян у феодалов не превышало установленной нормы. Таким образом, предоставив чрезвычайно широкие иммунитетные права помещикам над определенной категорией крестьян, государство в то же время сильно ограничило эти права по отношению к остальным категориям подвластного феодалу населения⁴².

Отмеченные явления, определившие своеобразие путей формирования зависимого крестьянства в Византии, обуславливались, однако, не только интересами государства. Византия до XIII в. не знала крепостной зависимости. Тем более важными становились для феодалов средства экономического принуждения. Система, когда безлошадный и безземельный крестьянин долгое время пользовался господским скотом, а также инвентарем и семенами помещика, находясь от него в хозяйственной зависимости, как нельзя лучше отвечала интересам феодалов в сложившихся условиях. Именно в силу этих причин в сфере поземельных отношений в империи так долго господствовала система присельничества, требовавшая, чтобы в господских поместьях всегда имелась свободная земля для будущих поселенцев.

Несомненно, в стране существовали типы вотчин и другой внутренней структуры. Таким типом была в частности деревня, зависимость которой возникала из права помещика на сбор ренты. В такой деревне феодал не вмешивался в сложившиеся земельные отношения, не ломал создавшегося крестьянского хозяйства и, по крайней мере, на первых порах, не менял традиционной системы обложения. На мой взгляд, под категорию подобного типа вотчины подходят и патронируемые феодалом деревни, и *ἀριθμός*, и главное — *пронии*⁴³.

⁴¹ М. М. Фрейденберг. Развитие феодальных отношений в византийской деревне. . . , стр. 123—127.

⁴² М. М. Фрейденберг. Эссэссия, стр. 362 сл. Именно последнего обстоятельства и не замечает Э. Франчес, доказывая, что феодалы и в XIV в. платили судебные штрафы в казну (см. рецензию на мою работу «Эссэссия. . .» в «*Studii*» *Revistă de istorie*. București, 1960, № 1, str. 233). Верно, платили, но, повторяю, за тех зависимых крестьян, по отношению к которым они пользовались ограниченными правами. — А. П. Каждан, утверждая, что Новый монастырь на Хиосе, освобожденный в 1045 г. от посещения судебных чинов, оставался подсудным императору, обходит другой важный вопрос: кто же в таком случае становился судьей в отношениях монастыря и его крестьян? Дела Нового монастыря с соседями или с казной разбирали царские судьи, но своих-то крестьян монахи должны были судить сами. Так что всей полноты юрисдикции монастырь может быть и не получал (см. А. П. Каждан. Деревня и город. . . , стр. 185—186), но зато он создавал свой собственный аппарат принуждения.

⁴³ М. М. Фрейденберг. Монастырская вотчина в Византии в XI—XII вв.

Важнейшим вопросом внутренней жизни вотчины является вопрос об аппарате принуждения, о вотчинной администрации. Напряженная борьба феодалов со свободным крестьянством придавала особую остроту отношениям вотчинников и их зависимых крестьян. Феодалы нуждались в сильной организации для подавления классового протеста последних. Вопрос о вотчинной администрации имеет два аспекта. Феодал — получатель государственного налога (например, прониар XI—XII вв.) не испытывал острой потребности в создании собственного поместного управления, ибо, не выходя за рамки прежней системы обложения, он не нуждался и в новой организации принуждения. Феодал — собственник земли оказывался в более сложной ситуации. Обращаться за помощью к практикам и судьям ему мешала экзаксузия, которую он сам же испросил, «коширывать» же государственную администрацию⁴⁴ ему не позволяли специфические трудности, стоящие перед ним в его поместье. Нужно было создать такое управление, которое справлялось бы не только со сбором ренты, но и с организацией собственного хозяйства, а также с расселением новых париков, со снабжением их инвентарем, с семенными ссудами. Наконец, новые виды рент немислимо было взимать старыми методами.

Раньше всего можно проследить возникновение собственного управления на землях крупных владетелей — магнатов. Роман Склир использует на своей службе старую чиновничью должность «эпискептита»⁴⁵, поместьями Андроника Дуки управляет «протокуратор»⁴⁶. К концу XII в. на землях магнатов складывается институт управляющих — *ἐπιστάται τῶν κτημάτων*⁴⁷. Напротив, когда дело касается мелкой и средней вотчины, мы не видим этого аппарата. Михаил Пселл просит судью помешать уходу париков из поместья его друга-патрикия⁴⁸: собственными средствами для этого патрикий не располагает. В другом письме Пселл ходатайствует перед судьей Опсикия, чтобы он вступился за владельца имения, Хирсфакта, одного из слуг которого побил сосед-крестьянин⁴⁹.

Гораздо большими возможностями в организации собственного управления располагали монастыри. Хотя и нет оснований вслед за некоторыми исследователями полагать, что крупные церковные собственники этой поры превратились в своего рода князей, располагающих тюрьмами, судебной и исполнительной властью⁵⁰, тем не менее ясно, что монастыри обладали бесспорными преимуществами: они могли опираться на сложившуюся систему внутримонастырского управления. Впрочем, иногда власть обители над ее владениями осуществлялась довольно примитивными средствами. Так, устав патриарха Алексея для монастыря Успения Богородицы упоминает монахов, «сущих по селам»⁵¹. Какими-то чинами хозяйственного

⁴⁴ Как это предполагает Б. Т. Горянов («Поздневизантийский иммунитет». — ВВ, XII, 1957, стр. 116).

⁴⁵ Пира, II, 18.

⁴⁶ *πρωτοκουράτορ τῶν οἰκῶν*. — ММ, VI, р. 10 (1073). П. В. Безобразов считает, что «куратор» и «протокуратор», упоминаемые в Патмосской писцовой книге, — это одно и то же лицо («Патмосская писцовая книга...», стр. 103).

⁴⁷ Им рассылают придворные Андроника Комнина распоряжение об отмене «берегового права». — N i c. C h o n., р. 427.9.

⁴⁸ C. S a ṭ h a s. *Bibliotheca graeca medii aevi*. Venezia, v. V, 1876, р. 381, см. Н. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 249.

⁴⁹ SM, II, р. 294. 7—14.

⁵⁰ В с. Н и к о л а е в. Феодални отношения в покорената от Византия България, отразени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Български. София, 1951, стр. 178—228.

⁵¹ А. Горский и В. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., отд. III, ч. 1, стр. 266.

ведомства в обителях являлись и *ἐπιτηρήται*, на которых вместе с игуменами лежала обязанность охраны владений монастыря⁵². Более сложными были функции экономов. Они должны были руководить отдельными местами⁵³, регулировать отношения с соседями⁵⁴, присматривать за наемными монастырскими работниками. Так, устав монастыря *τοῦ Μάχαира* рекомендует для надзора над мистиями и диаконитами иметь второго эконома и вменяет ему в обязанность следить за ними и регулярно выдавать им довольствие⁵⁵. Мы вправе предположить, что категория «экономии» рано становится одним из звеньев рождающегося в монастырях аппарата поместной администрации.

В литературе давно отмечена близость понятий «экономия» и «прония»⁵⁶. Эта близость обнаруживается и в области поместного управления. Хозяйственные чиновники в поместьях севастократора Адриана именуются *προνοῦται*⁵⁷, управляющий деревнями монастыря Богородицы Миротспасительницы назван *προνοῦτῆσιν*⁵⁸. Возможно, институты экономии и пронии могли не только использоваться для извлечения дохода (таково обычное представление о пронии), но и играть роль органов принуждения. В этой связи уместно вспомнить, что византийская действительность знала одно учреждение, близкое к этим двум, а именно институт харистикия⁵⁹.

Сущность харистикия, как известно, заключалась в том, что собственник монастыря передавал его со всеми доходами в пользование частному лицу, который взамен содержал обитель и ее иноков⁶⁰. В раздаче харистикиев участвовало прежде всего само государство. «Цари стали, — сообщает Иоанн Антиохийский, — отдавать монастыри и богоугодные учреждения светским сановникам. . . , начали дарить в виде полного дара даже состоятельные монастыри. . . »⁶¹. При этом императорская власть стремилась контролировать получателей этих пожалований. Так, Алексей Комнин новеллой 1082 (или 1097, или 1112 г.) предписывал патриарху следить, чтобы харистикарии не наносили вреда монастырям⁶². Действительно, по сообщению Иоанна Антиохийского, «не только дома, поместья, скот и всякие доходы, но и самые храмы. . . он (харистикарий) рассматривает как свою собственность»⁶³. Другой источник, соборное определение 1027 г., констатирует, что харистикарий намеренно доводит обитель до разорения, а, разорив ее, передает другим наподобие обычного поместья⁶⁴.

⁵² Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . . , S. 165.25.

⁵³ *οἰκονόμος τοῦ μετοχίου*. — Lavra, № 33. 13 (1080).

⁵⁴ Управляющий имением Константина Чиринтоса в споре с соседними крестьянами убивает одного из них. — См. Д. Ангелов. Принос към народностните и поземлени отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четвърт на XIII век. Известия на Камарата на народната култура, ч. IV, кн. 3, София, 1947, стр. 33.

⁵⁵ MM, V, p. 413.5—19 (1216). В данном случае под диаконитами явно имеется в виду категория низших монахов, монахов-тружеников.

⁵⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 213 сл.

⁵⁷ Lavra, № 46.13 (1106).

⁵⁸ BM, стр. 71.15.

⁵⁹ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1951, стр. 11—12.

⁶⁰ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ Свердловского Гос. пед. ин-та, 1958, стр. 90.

⁶¹ Иоанн Антиохийский, пер. В. Г. Васильевского (в «Сборнике документов. . . », стр. 185).

⁶² Jus, III, 408; P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. — DOP, IV, 1948, p. 74.

⁶³ Иоанн Антиохийский. . . , стр. 186—187.

⁶⁴ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. — ЖМНП, ч. 202, стр. 402.

Аналогичные свидетельства дает нам переписка Михаила Пселла, из которой явствует, что вельможу интересует только выгода, которую он может извлечь из монастырей, находящихся у него в харистикии⁶⁵. Раздача харистикиев была средством, с помощью которого церковная собственность использовалась в интересах светских владельцев.

Однако эта антицерковная практика не всегда встречала среди духовенства то сопротивление, которое, казалось бы, следовало ожидать. Известны лишь единичные акты протеста, исходившие к тому же не от монастырей⁶⁶. Больше того, иерархи, выступавшие против раздачи харистикиев, не получили поддержки правительства и самого клира, как это случилось с патриархом Сисинием в 995—998 гг.⁶⁷ Соборы, созывавшиеся по вопросу о раздаче церковных земель, свидетельствуют о настойчивости, с которой церковь продолжала практику этих раздач⁶⁸, и сами ограждают интересы харистикариев, заявляя, что без особой провинности харистикария нельзя изгнать из монастыря⁶⁹. На стороне харистикариев в 1016 г. оказался сам патриарх Сергей⁷⁰, а Евстафий Солунский, выразитель интересов той же церковной верхушки, взял под защиту весь институт харистикариев⁷¹. Основатель обители Иоанна Богослова, монах Христодул, завещал свой монастырь харистикарию Феодосию Кастрисию⁷², располагавшему большими правами в отношении монастыря еще при жизни Христодула⁷³. Согласно заветанию, Феодосий должен был стать господином монастыря⁷⁴, а игумен — быть в его подчинении⁷⁵. Итак, каковы бы ни были причины возникновения института харистикариев, в нем была заинтересована определенная, и довольно широкая, прослойка византийского клира.

Чем объяснить живучесть этого учреждения, с одной стороны, столь невыгодного церкви и в существовании которого, с другой стороны, она тем не менее продолжала быть заинтересованной? Как правило, ответа ищут в стремлении монастырей сложить с себя хозяйственные тяготы, передав их светским лицам. Однако это объяснение порождает ряд новых вопросов. Действительно, почему монастыри, на Западе являвшие пример энергии и рационального хозяйничанья, в Византии не справлялись с экономическими трудностями? На наш взгляд, здесь могут быть предложены два объяснения, одно из которых относится к проблеме вотчинного управления. Система вотчинного управления с ее экономами, эшитиритами, управителями метохов зачастую оказывалась неспособной преодолеть сопротивление зависимых крестьян. Именно в силу этого монахи нуждались в силе, часто военной силе, которой располагали светские феодалы

⁶⁵ Так, монахи Нарсийского монастыря упрашивали Пселла взять их монастырь в харистикий, но Пселл ответил отказом: обитель слишком бедна (C. Sathas, Bibliotheca graeca. . . , vol. V, p. 398; см. П. В. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 34). Знаменательно, что, упоминая о своих харистикиях, Пселл пишет: «Мы приобрели (προεκτήσαμεν) Лавру „Большие Келья на Олимпе“» (C. Sathas. Op. cit., V, p. 311.5).

⁶⁶ Такой запрет раздачи харистикиев мы находим в акте императрицы Ирины (1118 — MM, V, p. 322), в распоряжении Льва, епископа Навплии и Аргоса (1143—MM, V, p. 181).

⁶⁷ P. Charanis. Monastic Properties. . . , p. 77.

⁶⁸ Ф. И. Успенский. Мнения. . . , стр. 34.

⁶⁹ В. Г. Васильевский. Материалы. . . , стр. 402.

⁷⁰ P. Charanis. Monastic Properties, p. 77.

⁷¹ В. Г. Васильевский. Материалы. . . , стр. 415.

⁷² MM, VI, p. 84.12 (1093).

⁷³ Ibid., p. 86.20.

⁷⁴ Ibid., p. 87.1.

⁷⁵ Ibid., p. 86.10.

и которой были лишены монастыри. Жизнеспособность характеристика в византийских условиях можно объяснить, таким образом, недостатком средств принуждения у монастырей в условиях острой классовой борьбы.

Возможно, однако, и другое объяснение. Византийская вотчина обна- руживала, по нашему мнению, значительную хозяйственную активность, причем светские феодалы оказывались не менее предприимчивыми и дея- тельными, чем монахи, и зачастую были более способны наладить эконо- мическую эксплуатацию поместий.

Хозяйственная жизнеспособность и устойчивость вотчины в Византии, в стране с развитыми денежными отношениями, должна была определяться ее способностью выступать на рынке в качестве товаропроизводителя. Передко товарами были предметы ремесленного производства, ибо вот- чина часто являлась средоточием деревенского ремесла. Это ремесло не всегда, впрочем, было отделено от других видов труда. Монах обители Лазаря Галесийского сам ткал себе гиматий из шерсти⁷⁶. В других слу- чаях о ремесле говорится уже как об обособившемся занятии. Завещание Афанасия Афонского дает перечень монахов-ремесленников, из которых особенно сложную и тяжелую работу выполняли виноградари, ладейщики, дровосеки, а также работающие в хлебопекарне (*ἐν τῷ μαγειρίῳ δουλεύ- ουσι*)⁷⁷, все эти категории монахов-диаконов так и называются *τεχνῖται*.⁷⁸

Их хозяйственная роль в монастыре была велика; завещание предпи- сывает назначить в обители привратника, чтобы не было украдено ни- чего из созданного ремесленниками⁷⁹. О *χειροτέχνη* говорится в житии Лазаря Галесийского⁸⁰. Труд ремесленников создавал ценности не только потребительные, но и меновые. Так, Кирилл Фиолет отправил на рынок в Анхиал 12 сделанных им камилавок⁸¹. Николая-медника из монастыря Лазаря послали в соседнюю деревню для работы⁸². При этом чаще всего монахи специализировались на добыче и продаже леса и угля.

Это производство приняло весьма большие масштабы, чему благоприят- ствовало наличие обширных лесов в империи, не вырубленных и в XI— XII вв. Горные возвышенности в районе Пропонтиды были еще во время Никиты Хониата покрыты густыми лесами⁸³. В обширных дубравах во- круг Фив, близ монастыря Мелетия Нового, возник лесной пожар⁸⁴. Близ Галесии отшельники устраивали себе кельи в буреломе⁸⁵. В лесах водилось множество зверей, как сообщают современники⁸⁶, и пастухи промышляли охотой⁸⁷. Леса эти усиленно рубили. По сообщению Анны Комнины, холм близ Ареты был совершенно обнажен дровосеками⁸⁸. К XIII—XIV вв. леса в Византии значительно поредели⁸⁹.

⁷⁶ Л а з а р ь стр. 556. Е.

⁷⁷ ἀμπελοῦργοι, ξυλοῦργοι, ναυπηγοί. — Ph. Meyer. Op. cit., . 2—14 (1020).
Упоминаются также кузнецы (χαλκεις).

⁷⁸ Ibid., S. 139, 25.

⁷⁹ Ph. Meyer. Op. cit., S. 140, 26.

⁸⁰ Л а з а р ь, стр. 566. А.

⁸¹ Хр. Л о п а р е в. Описание некоторых греческих житий святых. — ВВ, IV, 1897, стр. 383.

⁸² Л а з а р ь, стр. 573. Д.

⁸³ Nic. Chop., p. 825. 2.

⁸⁴ ППС, XVII, 1886, стр. 95.

⁸⁵ Л а з а р ь, стр. 522. Д. О переходных сельских кузнецах — *χωμοδρόμοι* — см. А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . . , стр. 192—193.

⁸⁶ О волках и медведях на крестьянских полях см.: Л а з а р ь, стр. 510. Д; 529—530.

⁸⁷ О пастухе, ранившем стрелой св. Пафнутия, см.: Л а з а р ь, стр. 521. 35.

⁸⁸ А п п а С о м п е н а. Alexias. Воннае, 1839, I, p. 118. 4.

⁸⁹ См. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 42.

В вырубке лесов значительная роль принадлежала вотчинным дровосекам. Лазарь велел своим монахам рубить дикие маслины⁹⁰. Афонские монахи рубили лес и распиливали его на доски, изготовляли также факелы, добывали смолу⁹¹. Монахи Халда жаловались на то, что их *ежедневно* утесняют в рубке леса и выжиге угля⁹². Крестьяне метоха св. Андрея в Солуни были обязаны специальным побором — *καταβιβασμός οιασδήτινος ξύλης και παροχή καρβύων*⁹³.

Житие Лазаря рассказывает, что монахи выжигали корни дикой маслины специально для нужд кузницы⁹⁴. Возможно, что вотчинные металлурги обслуживали не только нужды своего поместья — мы уже упоминали о кузнеце, посланном для работы в соседнюю деревню. Вероятно, не только нужды монастыря обслуживала и хорошо оборудованная кузнечная мастерская в маленькой (всего на 20—30 иноков) обители Ксилургу^{95—96}.

Выделение вотчинного ремесла в самостоятельную отрасль труда позволило вотчине выступать на рынке, а, следовательно, расширяло ее возможности как покупателя сельскохозяйственных продуктов. Так, монастырь Лазаря покупал на рынке хлеб, рыбу⁹⁷, вино⁹⁸ и масло⁹⁹. Устав монастыря τῶν Ἠλίῶν Βορῶν предписывал игумену выдавать казначею деньги на *ежедневные* расходы¹⁰⁰. Монастырь Мелетия Нового покупал в соседних селах вино¹⁰¹, а зимой, когда прерывалась связь обители с Фивами, она оставалась без масла: в монастыре не было запасов и он целиком жил за счет закупок¹⁰². Характерно, что в уставе монастыря Богородицы Мироспасительницы дается совет покупать масло и вино в Эносе *на целый год*¹⁰³. Однако гораздо чаще вотчина (светская и церковная в равной мере) выступала на рынке не как потребитель, а как поставщик сельскохозяйственных продуктов. Житийная литература упоминает о груженых сыром лошаках, направляемых в город¹⁰⁴, о монахах, рассылаемых по делам в города¹⁰⁵ и продававших там хлеб¹⁰⁶. Именно таких монахов имеет в виду Иоанн Антиохийский, когда пишет об иноках, от «бедности и недостатка» пускавшихся в торговлю и барышничество¹⁰⁷. Для вывоза товаров иногда использовался вьючный скот; монастырь Космидий располагал таким количеством *υποβύγια*, что знатный вельможа (Палеолог) смог вывезти с помощью этого скота все свое имущество из Константино-

⁹⁰ Лазарь, стр. 527.

⁹¹ Ph. Meyer. Op. cit., S. 157.28.

⁹² Actes de Philothée, ed. W. Regel, E. Kurtz et B. Korabiev. — ВВ, XX, 1913. Приложение, № 1, 64 (1087).

⁹³ Lavra, № 46.12 (1092/1107?).

⁹⁴ πρὸς τὴν τοῦ χαλκῆως χρεῖαν. — Лазарь, стр. 581. Е.

^{95—96} Русик, № 58 (1143).

⁹⁷ Лазарь, стр. 536; 549. С.

⁹⁸ Житие передает характерную бытовую картину. Монах, перевозящий купленное вино в монастырь, нечаянно разбил сосуд с вином и, спасая остатки драгоценной влаги, напился и уснул на дороге (Лазарь, стр. 537. В—С).

⁹⁹ В житии рассказывается, что нечистый, желая совратить монахиню, прикинулся торговцем, доставляющим в монастырь масло (Лазарь, стр. 583F).

¹⁰⁰ χάριν καθημερινῶν ἐξόδων τῆς μονῆς. — А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей. . . , стр. 729. 15.

¹⁰¹ ППС, XVII, стр. 58.16.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ БМ, стр. 50.3.

¹⁰⁴ ППС, XVII, стр. 150.

¹⁰⁵ εἰς τὸ κάστρον. . . ἀποστελλόμενος. — Лазарь, стр. 554. В.

¹⁰⁶ Там же, стр. 511. В

¹⁰⁷ Сборник документов. . . , стр. 187.

поля¹⁰⁸. Но гораздо чаще монастыри пользовались морским транспортом (впрочем, наши источники, относящиеся главным образом к афонским островным монастырям, для которых морские коммуникации были самым удобным видом сообщения, создают, может быть, несколько одностороннюю картину). Патмосский монастырь Иоанна Богослова содержал для этих нужд навклера¹⁰⁹. Моряк мог встретить на своем пути монахов, направлявшихся морем в столицу¹¹⁰. Все афонские монастыри вывозили на своих кораблях лес для поделок (*ξύλον ἐργάσιμον*), а также доски и смолу, хотя это и возбранялось монастырским уставом¹¹¹. Из этого же устава мы знаем, что монахи торговали вином, вывозя его в Константинополь и другие города¹¹². Становится понятен интерес, проявлявшийся афонскими монахами к обзаведению судами и морскими пристанями. Еще Василий II разрешил им держать небольшие суда и на них вывозить вино в Солунь и ее предместья для продажи¹¹³. Даже маленький монастырек Ксилургу владел двумя ладьями водоизмещением в 150 и 250 модиев¹¹⁴. Христодул упоминает 4 судна, которые он оставил монастырю¹¹⁵. Разумеется, размеры судов того времени были невелики, некоторое представление об этом могут дать сведения актов об обители Иоанна Богослова. Длина корабля этого монастыря от мачты до кормы равнялась 18 локтям; ширина посередине судна — 11 локтям и глубина — 1 и 2 локтям; размеры другого корабля: 15 × 8 × 2,5 локтя¹¹⁶. Ясно, что речь идет о плоскодонках, грузоподъемность их в одном случае равнялась 1422, а в другом — 1572 модиям¹¹⁷. Дометиева Лавра имела на берегу моря склад и пристань^{117а}. Монах Иоанн купил землю с единственной целью приобрести место для стоянки кораблей и складских помещений¹¹⁸. На пристанях имелся постоянный обслуживающий персонал: послушники Русского монастыря, на которых была возложена обязанность служить на пристани, однажды взбунтовались, сожгли пристань и ушли из монастыря¹¹⁹. Представление об активной морской торговле дает перечень торговых поборов, лежавших на монастырях. Это *χομμέριον*¹²⁰, *δοσις ἀντιαύλου*¹²¹, *δεκατέια οἰναρίων*¹²², *σκαλατίκιον*¹²³.

Приведенные выше факты как будто бы создают впечатление, что вотчина вела активную торговлю исключительно на *вывоз*. Однако нередко вотчинники отказывались от вывоза в город, распродавая товары у себя на месте. Когда Лазарь Галесийский начал упрекать одного из своих иноков в том, что последний хочет уйти из монастыря и стать торгошом (*κάπηλος*), то услышал в ответ: «А сам-то ты основал монастырь или торжище?» И «святой»

¹⁰⁸ А п п а С о м п., I, p. 106.10.

¹⁰⁹ ММ, VI, p. 123.6 (1188).

¹¹⁰ Л а з а р ь, стр. 537.

¹¹¹ Ph. Meuser. Op. cit., S. 157.30 (1045).

¹¹² Ibid., S. 154.32.

¹¹³ Порфирий Успенский. Восток христианский, Афон, т. III. Киев, 1877, стр. 151.

¹¹⁴ Русик, № 58 (1143).

¹¹⁵ ММ, VI, p. 82.6 (1091).

¹¹⁶ Ibid., p. 129 (1188).

¹¹⁷ Ibid., p. 129.21.

^{117а} Русик, № 18 (1048).

¹¹⁸ τοῦ ποιῆσαι οἶκημα εἰς καρავοστάσιον καὶ ἀποθήκην. — Lavra, № 14. 57.

¹¹⁹ Русик, № 18.24.

¹²⁰ ММ, VI, p. 118.17; 183.22 (1160).

¹²¹ Ibid., p. 101.13.

¹²² Ibid., p. 122.30; Панд., стр. 697.29. По мнению издателя устава Пандократора А. Дмитриевского, это десятина с кабаков (А. Д м и т р и е в с к и й. Описание литургических рукописей. . . , стр. XCIII).

¹²³ ММ, VI, p. 166.13.

вынужден был ответить: «Я-то основал монастырь, но для жизненных нужд требуется трудиться, чтобы *продавать и покупать*»¹²⁴. Торговля афонских монахов приняла столь оживленный характер, что автор монастырского устава 1045 г. в негодовании восклицает: «Лавра в Карее стала рынком, а не монастырем. Стыжусь назвать ее именем лавры!»¹²⁵. И если местом основания монастыря Лазаря было избрано скрещение людных дорог¹²⁶, мы можем предполагать, что не последнюю роль в этом играли и его торговые интересы. Наконец, рыночные связи монастырских вотчин подтверждаются известным высказыванием Евстафия Солунского: «. . . каким способом и как долго можно сохранить зерно и в какое время можно продать его дороже; где можно найти другой его запас по надлежащей, или, что то же, по дешевой цене, чтобы. . . получить барыш и от этой покупки; какие возможны подобные же обороты относительно вина. . .»¹²⁷.

Это превращение вотчин в центры обмена на местах может быть объяснено широким распространением денежных отношений в империи. Историки приходят к выводу, что Византия в XI—XII вв. переживала расцвет провинциального ремесла и торговли¹²⁸, который объясняется увеличением товарной продукции, поставлявшейся как вотчинными, так и крестьянскими хозяйствами. Империя не знала той экономической замкнутости, которая заставляла на Западе страдать от голододов целые районы, в то время как в соседних областях собирался богатый урожай. По сообщению Кекавмена, когда в одной из крепостей Великой Армении возникла потребность в хлебе, целый караван в тысячу ослов завез туда хлеб из других мест¹²⁹. Хорошо известно сообщение Михаила Атталиата о подводах, приходивших в Редесто и груженых хлебом¹³⁰. Среди этих подвод были, разумеется, и крестьянские, а не только помещичьи. Превращение отдельных вотчин в центры обмена на местах было вызвано потребностью в создании рынков, близких к сельскохозяйственному производству. Любопытнейший пример в этом отношении приводит афонский устав 970 г. Многие жители афонского полуострова возделали поля, разбили виноградники и стали предлагать монахам торговать с ними¹³¹. Характерно, что в качестве причины такой торговой заинтересованности устав называет оторванность полуострова от материка. В данном случае тяга к созданию местного рынка объясняется попросту трудностями вывоза продуктов на рынки более обширные и ёмкие. Помехи для рыночных связей могла представлять не только удаленность сельских районов от крупных центров, но и недостаточная ёмкость рынка во многих провинциальных городах. Наши представления о византийском городе X—XII вв. серьезно изменились за последнее время, но тем не менее аграрный характер многих городских центров у большинства исследователей не вызывает сомнения.

Косвенным образом об этом могут свидетельствовать сады и виноградники, плотно окружавшие города. Кольцо виноградников так близко подходило к Янине, что Боэмунд, осаждавший город, смог по рвам,

¹²⁴ πωλῆσαι καὶ ἀγοράσαι. — Л а з а р ь, стр. 574. В.

¹²⁵ Ph. Meyer. Op. cit., S. 159, 21 (1045).

¹²⁶ Л а з а р ь, стр. 520.14.

¹²⁷ Сборник документов. . . , стр. 188.

¹²⁸ А. П. К а ж д а н. Деревня и город. . . ; С. Л и п е в. За проникновением и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 121—130.

¹²⁹ Strategicon, p. 26.25.

¹³⁰ Attaleiota, p. 201.20. См. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 166.

¹³¹ Ph. Meyer. Op. cit., S. 106.20.

выкопанным среди этих виноградников, тайно подвести к городу свое войско¹³². Жители Фив во время засухи молились о ниспослании дождя на их нивы¹³³. Жители Верей укрепляли стены своего города брусьями от телег и подпорками от виноградных лоз¹³⁴. Население, изгнанное турками из города Дадивры, построило себе хижины рядом с городом и стало заниматься сельским хозяйством¹³⁵. Земледелием горожане занимались и внутри городских стен. Севастократор Исаак Комнин располагал свободными землями (τόλια, ἀκίνητα) в Эносе и Траянополе¹³⁶. Михаил Атталиат рассказывает, что столицу снабжали хлебом как крестьяне (ἀγροίκοι), так и горожане (ἀστικοί)¹³⁷. В XIII в. многие горожане в Эпире являлись собственниками виноградников, садов и полей¹³⁸. Кекавмен сообщает об одной крепости, рядом с которой находилась равнина, достаточно обширная для того, чтобы живущие в крепости могли пасти скот и сеять хлеб¹³⁹, а, по сообщению Михаила Атталиата, во 2-й половине XI в. на берегах Дуная было расположено много городов, снабжавших войска продовольствием^{139а}.

Подобный характер городов византийской провинции, население которых само снабжало себя продуктами питания, серьезно затруднял создание в них рынков, способных поглотить продукцию сельской округи. Этим пользовалась вотчина, претендовавшая на активную роль в местной торговле. Становится ясно, в силу каких причин вотчинники стремятся наладить сбыт своих продуктов у себя же в поместьях, не вывозя их в города. Вотчинники широко использовали преимущества местной торговли. Самым убедительным доказательством этого является широкое распространение местных ярмарок (πανηγύρεις) и интерес, который проявляли к ним крупные земельные собственники. Потребность в местных рынках ощущалась во всех слоях населения. Даже во время осады города воюющие стороны требовали открытия за стенами города рынка, на котором можно было бы купить предметы первой необходимости (τὰ χρειῶδη)¹⁴⁰. Кекавмен советует в случае набега враждебного народа разрешить нападающим открыть вне города рынок (πανηγύριν) для купли-продажи¹⁴¹. Так происходило, по его словам, во время набега «агарян» под Димитриаду, когда нападавшие открыли базар и стали продавать военную добычу¹⁴². Но особым вниманием эти мелкие базары пользовались со стороны феодалов.

В этом отношении исключительный интерес представляет новелла Василия II от 996 г. Она сообщает, что местные земельные собственники самовольно переносили πανηγύρεις в свои владения, лишая тем самым купцов их выгод¹⁴³. Законодатель устанавливает, что подобная практика должна иметь место лишь в случае согласия всех заинтересованных

¹³² Anna Comn., I, p. 236.13.

¹³³ ППС, XVII, стр. 87.

¹³⁴ Georgii Aegropolitae annales. Bonnæ, 1836, p. 112.20.

¹³⁵ Nic. Chon., p. 626. 13.

¹³⁶ БМ, стр. 52.25; 53.4.

¹³⁷ Attaleiota, p. 202.20.

¹³⁸ Д. Ангелов. Привос..., стр. 23.

¹³⁹ Strategicon, p. 26.25.

^{139а} Attaleiota, p. 204. Такой же характер носили и болгарские города в XI—XII вв. (см. Стр. Л и ш е в. За стокового производство във феодална България. София, 1957, стр. 78).

¹⁴⁰ Strategicon, p. 82.11.

¹⁴¹ Ibid., p. 33.34.

¹⁴² Ibid., p. 34.35.

¹⁴³ Jus, III, p. 317.21.

в этом лиц¹⁴⁴. По поводу этой новеллы было высказано мнение, что она будто бы отражает неспособность греческого купечества организовать обмен внутри страны, неспособность, в конечном счете обусловившую проникновение в империю иностранного купеческого капитала¹⁴⁵. Д. Дэнстрап, выдвинувший это мнение, слишком принижает, на наш взгляд, активную роль византийского купечества, но он, безусловно, прав, когда полагает, что вотчинники искусственно поддерживали конкуренцию между греческими и иностранными купцами в корыстных целях, стремясь к непосредственному контакту с иноземцами¹⁴⁶. Нам кажется неоспоримым, что новелла 996 г. отразила стремление феодалов к созданию собственных рынков, к установлению своей опеки над местным обменом. Убедительный материал по этому поводу собран в работах Стр. Лишева¹⁴⁷, который, впрочем, переоценивает роль вотчины в производстве и полагает, что она была основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов на внутреннем (а впоследствии и на внешнем) рынке¹⁴⁸.

Императорский запрет не остановил тенденции к организации собственных базаров в поместьях. Косвенное доказательство этого мы видим в сообщении Пселла о частных базарах и в свидетельстве устава монастыря Богородицы Мироспасительницы о ярмарках, ежегодно созывавшихся во владениях севастократора Исаака¹⁴⁹. Эту тенденцию, по нашему мнению, следует считать выражением более широкого процесса. Византийские феодалы вообще не были склонны ограничивать источники своих доходов сферой сельскохозяйственного производства. Определенная часть феодалов была непрочь присвоить себе прибыль, создаваемую и в сфере ремесла и торговли. Борьба за создание в своих владениях центров торговли (*πανηγύρεις*) была только одним из проявлений этой тенденции. Другим ее проявлением явился захват феодалами экономических позиций в городах. Это проникновение феодалов в города выразилось в появлении собственности феодалов не только на земельные участки в городе, но и на многочисленные мастерские^{149a}.

Любопытные выводы о вторжении вотчинников в торговую жизнь страны позволяют сделать анализ понятия «эмпорий» (*ἐμπόριον*). В литературе прочно укрепилось мнение об эмпории, как о крупном, преимущественно приморском, центре обмена¹⁵⁰. Частично это мнение оправдывается и нашим материалом. Византийцы видели в эмпории прежде всего рынок, как об этом сообщает Евстафий Солунский, рассказывающий об арендаторах монастырских помещений, богатевших от связи с эмпориями¹⁵¹.

¹⁴⁴ Ibid., p. 318.

¹⁴⁵ J. Danstrup. Manuel's coup against Genoa and Venice in the light of byzantine commercial policy. — «Classica et Mediaevalia», X, 1949, p. 199.

¹⁴⁶ J. Danstrup. — Op. cit., p. 198.

¹⁴⁷ Стр. Лишев. За стокового производство... стр. 64 сл.; его же: За проникването и ролята...

¹⁴⁸ Стр. Лишев. За стокового производство... стр. 70—72.

¹⁴⁹ *πανηγύρεσι ιδίαις*. — C. Sathas. Op. cit., p. 220. 7; БМ, стр. 52. 14.

^{149a} Для IX—X вв. см. по этому поводу: М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, IV, 1951, стр. 15 сл. Для XI—XII вв. мы имеем сообщение о собственности у Аталлата на мастерские в Редесто (ММ, V, p. 304. 30). Проникновение феодалов в города и привело впоследствии, в эпоху поздней Византии, к их засилью в экономической жизни города (см. З. В. Удальцова. О внутренних причинах падения Византии в XV веке. — ВИ, 1953, № 7, стр. 106, 110 сл.).

¹⁵⁰ М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. — ВВ, VIII, 1956, стр. 27 сл. Когда-то удельный вес эмпориев в ряду других поселений был довольно велик. Это явствует из того, что документы времен Иракия упоминают их наравне с городами и селами (*πόλεις ἢ κώμαι ἢ ἐμπόρια*. — Jus, III, p. 41. 28).

¹⁵¹ Eustathii De emendanda vita monachica. (Цит. по: Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 63, прим. 2).

Подтверждает это мнение и уже упомянутое свидетельство афонского устава о превращении обитателей в рынки¹⁵². Эмпорий, действительно, имел приморский характер. Так, некий монах отправляется в эмпорий Фигеллы (τὸν Φυγέλλων), чтобы оттуда морем плыть на Крит¹⁵³. Один из эмпориев Пандократора имел приморские участки¹⁵⁴.

Но в то же время источники позволяют говорить и о другой стороне эмпория. Подобно сельскому поселению, он может входить в состав владений крупного собственника. Так, во владениях Пандократора был эмпорий, упоминаемый рядом с деревнями¹⁵⁵. Эмпорий включал иногда отдельные господские владения; феодал, таким образом, вторгался в эмпорий, подобно тому, как он вторгался в деревню; в эмпориях встречаются отдельные барские усадьбы и даже целые проастии. Так, в уже упомянутом эмпории Фигеллы имелась усадьба кувуклисия Георгия, позднее-превращенная в монастырь¹⁵⁶. В одном из эмпориев Пандократора находилась усадьба (αὐλή), принадлежащая некоему Алусиану¹⁵⁷. Нередко эмпории переходили под власть феодала по частям, когда же феодал располагал целым эмпорием, это специально оговаривалось в документах^{157a}. Любопытно, что в эмпории мы встречаем элементы не только барского, т. е. вотчинного, но и крестьянского хозяйства. Так, в описи владений Пандократора в составе эмпория названы στρατεῖα, т. е. воинские участки¹⁵⁸. Все это дает основания полагать, что зачастую эмпорий являлся сельским или близким к сельскому поселением, в центре которого находился небольшой местный рынок¹⁵⁹. Этот вывод позволяет судить о проникновении рыночных отношений в жизнь византийской деревни. Но поскольку деревня была уже в значительной степени зависимой, следует думать, что в какой-то мере феодалы подчинили себе и местную торговлю. Облик провинциального эмпория ясен еще далеко не во всех отношениях. Но уже сейчас можно смело предполагать, что он был наполовину аграрным, наполовину рыночным центром, тесно связанным с вотчиной и в свою очередь втягивавшим ее в рыночные отношения.

Таким образом, мы видим, что византийская действительность того времени обусловила активный интерес монастырей к хозяйственной деятельности, связанной с торговыми отношениями. Не в меньшей, если не в большей степени это же стремление было свойственно светской вотчине и, в первую очередь, мелкой и средней. Эта вотчина возникает уже за счет денежных приобретений. Так, Пселл в одном из своих писем сообщает о некоем никейце, который купил деревню (γῆδιον ὀνομάτῳ χωρίῳ)¹⁶⁰, а в другом рассказывает о том, как у него была украдена довольно большая сумма денег, но уцелела другая, отложенная на покупку имения¹⁶¹. Предпринимательский характер многих мелких и средних вотчин явствует из стремления их хозяев интенсифицировать свое хозяйство. Попытки создать на земле «улучшения» (βελτιώσεις) характерны для всего визан-

¹⁵² Ph. Meyer. Op. cit., S. 159. 21.

¹⁵³ Л а з а р ь, стр. 578. А.

¹⁵⁴ Панд., стр. 697. 23.

¹⁵⁵ Там же, стр. 697—699.

¹⁵⁶ MM, VI, p. 182. 13.

¹⁵⁷ Панд., стр. 697. 29.

^{157a} ἄλον ἐμπόριον Μανδύτου. — Там же, стр. 697. 22.

¹⁵⁸ Там же, стр. 697. 30.

¹⁵⁹ Полностью сельским поселением эмпорий не позволяет считать сообщение о том же эмпории Мадит, в котором находится весьма своеобразная ὑπόστασις Алусиана: она состоит не только из хорафиев и виноградников, но и из доходных домов (ἐνοικιὰ) и бань — явных элементов поселения городского типа (Панд., стр. 697. 31).

¹⁶⁰ SM, II, № 117.

¹⁶¹ П. В. Безобразов. Византийский писатель... стр. 105.

тийского земледелия с его высоким удельным весом садовых и виноградных культур. Так, Пира подробно повествует об «улучшениях» и о распределении доходов, доставляемых ими¹⁶². Совершать насаждения было неотъемлемым правом собственника: монахи Филофея, передавая Лавре Афанасия поле Калика, разрешают его βελτιοῦν¹⁶³, так же поступают жители дер. Радохоста¹⁶⁴. Устав же монастыря Богородицы Мироспасительницы специально оговаривает, что, если монахи поднимут целину под виноградники, они должны вносить за них особую плату¹⁶⁵. Затраты на «улучшение» были иногда весьма велики. Так, игумен монастыря Филофея передал свой монастырь Ватопеду за 100 номисм, а ἀμπελώνων βελτίωσις — за 49 номисм¹⁶⁶. Насаждения и работы мелиоративного и ирригационного характера предполагались как неперемное условие при сдаче монастыря в харистикий¹⁶⁷; в случае же нарушения этого условия харистикарием он мог быть изгнан без вознаграждения за уже произведенное βελτίωσις¹⁶⁸. Такие «улучшения» охватывали иногда целые области. По сообщению Никиты Хониата, при Мануиле в районе Неокастроа руки виноградарей насадили плодоносные деревья, превратив пустыню в орошаемые земли¹⁶⁹.

Мы располагаем ничтожным числом свидетельств о деятельности, которую вели в этом направлении мелкие помещики, тем важнее для нас каждое указание. Обширные рекомендации, основанные на личном опыте, дает в этом отношении Кекавмен. «Не начинай стяжать, лучше насади виноградники и обрабатывай землю, пользуйся ее плодами и лишь потом, когда все это будешь иметь в избытке, тогда начинай приобретать (κτίζειν)»¹⁷⁰. По мысли Кекавмена, не следует ограничиваться одним хлебопашеством, писатель изображает целую картину многоотраслевого хозяйства. Он советует, помимо рабочего скота (βόες ἀροτῆρες), обязательно иметь свиней, овец и другой скот, но важнее всего, по его мнению, насадить в поместье сады, построить мельницы и мастерские (κρήτους, μύλωνας καὶ ἐργαστήρια)¹⁷¹. При этом настойчиво проводится мысль о том, что это хозяйство не должно быть замкнутым: хлеб нужен не только для прокорма мистиев, но и для продажи¹⁷².

В еще более практическом плане решает все эти вопросы Пселл: «Если я сделаю для монастыря все, что нужно, — гласит интереснейшее место из его письма, — ...куплю быков, насажу виноградник. . . , устрою орошение, . . . то буду получать 100 медимнов пшеницы, вдвое больше ячменя, а маслин — сколько угодно»¹⁷³.

Бросается в глаза, что эти рекомендации адресованы именно не крупному вотчиннику: годовой доход Пселла равняется всего 100—200 модиям. Кекавмен, не таясь, заявляет, что его советы относятся к бедному (πτωχός)

¹⁶² Пира, X, 11.

¹⁶³ Lavra, № 56.45 (1154).

¹⁶⁴ Lavra, № 20.22 (1008).

¹⁶⁵ БМ, стр. 50. 6.

¹⁶⁶ ББЭС, IV, 1927, сел. 116. 29.

¹⁶⁷ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления. . . , стр. 34. 10. Во многих случаях мелиоративные работы были необходимым условием хозяйственной деятельности вообще (о разливе р. Меандр см. в Патмосской писцовой книге. — П. В. Б е з о б р а з о в. Патмосская писцовая книга. . . , стр. 79).

¹⁶⁸ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления. . . , стр. 34. 6.

¹⁶⁹ Nic. Chon., p. 195. 10.

¹⁷⁰ Strategicon, p. 51. 18.

¹⁷¹ Ibid., p. 36. 11—20.

¹⁷² Ibid., p. 36. 28.

¹⁷³ C. Sathas. Op. cit., V, p. 264. 5—9. Перевод см. у М. Я. Сюзюмова («Проблемы иконоборчества. . . », стр. 90).

землевладельцу, которому следует во все глаза следить за его челядью, чтобы она не пожрала его добро¹⁷⁴.

И эти хозяйственные идеалы не оставались в сфере пустых пожеланий. Примером этого может служить история создания хозяйства Евстафия Воила, возникшего благодаря предприимчивости помещика, с помощью «топора и огня», как говорит Воила¹⁷⁵. В своем завещании Воила рассказывает, что при его переселении на Восток место его будущих поместий было «зловонным и невозделанным»¹⁷⁶, а Воила превратил его в распаханное и плодоносное. Его деятельность по «улучшению» своих поместий коснулась почти всех сторон их хозяйственной жизни, и там, где ему не удалось ничего предпринять, он специально оговаривает это обстоятельство¹⁷⁷. Воила сделал почти в точности все то, что рекомендовали Пселл и Кекавмен: «очистил луга, насадил парки, виноградники и сады, оросил землю, поднял новь, устроил водяные мельницы, завел . . . скот, необходимый для работ и в пищу. . .»¹⁷⁸.

Любопытный пример небольшого вотчинного хозяйства дает опись имущества монаха Геронтия, — имущества, накопленного, вероятно, до пострижения. Здесь мы видим 45 модиев семенного хлеба всего при двух модиях земли. Остальная земля, видимо, роздана или внесена в монастырь. В том, что хозяйство Геронтия превышало обычное крестьянское, можно судить по тому, что в нем насчитывается 5 рабочих быков, 62 овцы, а также 5 серпов¹⁷⁹. Поскольку хозяевами этой вотчины названы лишь сам монах, его племянник и племянница, отпадает возможность предположения, что речь идет о большой семье. По нашему мнению, перед нами в лице Геронтия типичный мелкий вотчинник.

Характерно происхождение этих мелких и средних землевладельцев. Воила стремится доказать свое свободное происхождение в прошлом и свою независимость в настоящем, и это, по-видимому, неслучайно, ибо незадолго до своей смерти Воила оказался в явно подчиненном положении к дуче Антиохии, которого он называет своим господином¹⁸⁰. Жизненный путь Воилы сходен с биографией Григория Бакуриани, оставшегося после смерти отца «голым и с пустыми руками»¹⁸¹ и самостоятельно добившегося высокого положения. Для нас и в том, и в другом случае важно отметить, что путь к знатности и богатству был открыт людям довольно низкого происхождения. Отсутствие в Византии сословной замкнутости обусловило то, что класс земельных собственников пополнялся за счет зажиточных элементов других слоев общества. Особенно быстро пополнялась за счет этих слоев низшая прослойка класса феодалов — прослойка мелких и средних вотчинников.

Следует отметить, что, формируя свое хозяйство, помещик стремился создать комплекс угодий значительной хозяйственной ценности. Как правило, ему это удавалось: в актах появляется выражение *αὐτοργία*. Считается, что автургия это наиболее доходные части хозяйства¹⁸². Но обычно

¹⁷⁴ Strategicon, p. 36. 25.

¹⁷⁵ πελέκει καὶ πυρί. — Воила, стр. 223. 23.

¹⁷⁶ Там же, стр. 223. 19.

¹⁷⁷ Там же, стр. 223. 23—26.

¹⁷⁸ Там же, стр. 223—224.

¹⁷⁹ MM, IV, p. 202. 10 (1192).

¹⁸⁰ Воила, стр. 223—224.

¹⁸¹ Бакуриани, стр. 38. 27.

¹⁸² Ф. И. Успенский. Мнения и постановления. . . , стр. 38; А. П. Жагда и А. А. Аграрные отношения. . . , стр. 47. Особая ценность автургий для помещиков подчеркивается тем обстоятельством, что на эти части хозяйства чаще других испрашивались податные льготы. Ср. *κουφοτελῶν αὐτοργίῶν* в описи 1073 г. П. В. Безобразов,

недостаточно оценивается тот факт, что автургия создается усилиями самого земельного собственника. Мелетия Нового, усиленно занимавшегося разведением садов и виноградников, житие называет «автургом»¹⁸³. «Если монастырь разведет виноградник или создаст другую автургию. . .», — говорится в уставе монастыря Богородицы Милостивой¹⁸⁴. Особенно выразительно звучит в этой связи определение новеллы императора Мануила: «Автургия — это то, что создается на пожалованных землях»¹⁸⁵. Может быть, именно поэтому церковные соборы никому не разрешают отчуждать автургии? ¹⁸⁶. Таким образом, в автургиях воплощалась активная хозяйственная деятельность не крупных вотчинников, протекавшая в тесной связи с рынком и приучавшая их к изворотливости, предприимчивости и умению вести свое хозяйство ¹⁸⁷.

Все сказанное, как мне кажется, расширяет наши представления о характере феодальной вотчины в Византии и в то же время позволяет ответить на поставленный ранее вопрос: что дало возможность светским вотчинникам так успешно атаковать церковное землевладение? Оказывается, светская вотчина — в первую очередь средняя и мелкая — не только располагала большими средствами принуждения по отношению к зависимым крестьянам, но не отставала от церковной вотчины также в хозяйственной предприимчивости и в умении вести денежное хозяйство. Выдвигаемая гипотеза, мы хотели бы с уверенностью подчеркнуть еще раз: *интенсивное господское хозяйство* было, несомненно, ярким отличительным признаком византийской мелкой и средней вотчины.

Вслед за этим было бы естественным поставить проблему крупной светской вотчины. К сожалению, мы не располагаем в настоящее время сколько-нибудь достаточными данными источников для работы в этом направлении. Поэтому при нынешнем состоянии наших источников данную проблему следовало бы сформулировать так: что представлял собой слой земельных магнатов в Византии и какова была форма эксплуатации ими своих земельных владений?

Византийские магнаты XI—XII вв. располагали значительным числом подчиненных им людей, в том числе — вооруженных слуг. Но определить, из кого состояли эти дружины (из дворовой челяди или из подчиненных земельных собственников) удастся только в отдельных случаях. Так, можно предположить, что «люди из своего поместья» (*λαὸν ἀπὸ τοῦ ἰδίου οἴκου*), которых новеллиссим Константин привел на помощь царю во время восстания 19 апреля 1042 г.¹⁸⁸, были его собственными челядинцами. Сходными категориями являлись и «слуги» (*σπάδοι*)¹⁸⁹, и «оруженосцы»

не поняв смысла этого выражения, перевел его как «прочий инвентарь» («Патмосская писцовая книга. . .», стр. 70).

¹⁸³ *πρώτος γέγονε αὐτοῦργος*. — ППС, XVII, 1886, стр. 8. 8.

¹⁸⁴ ИРАИК, т. VI, 1900, стр. 29. 28.

¹⁸⁵ ММ, III, р. 444. 40 (1148).

¹⁸⁶ См. Ф. И. Успенский. Мнения и постановления. . ., стр. 34.

¹⁸⁷ И все же, несмотря на свою связь с рынком и хозяйственную устойчивость, мелкая и средняя вотчина была менее защищена податными льготами и иммунитетными привилегиями, чем вотчина крупная. Это и породило противоречия между ними, приведшие к созданию оппозиции, состоящей из мелких вотчинников и провинциальных торгово-ремесленных элементов и противостоящей блоку столичной знати и земельных магнатов («комниновскому блоку»). См. М. М. Фрейденберг. Рецензия на книгу К. Н. Юзбашяна. — ВВ, XV, 1959, стр. 211 сл.

¹⁸⁸ *Sedr.*, II, р. 538. 15. [Ср. *θεραπόντες*. — *Ibid.*, II, р. 599; см. Н. С. Кабаланович. Ук. соч., стр. 314; ср. также у Кекавмена: «может настать день, когда ты не найдешь хлеба для прокормления своих людей» (*τοῦ λαοῦ αὐτοῦ*). — *Strategicon*, р. 36. 28].

¹⁸⁹ Н. С. Кабаланович. Ук. соч., стр. 315.

(ὄπασισταί)¹⁹⁰, часто составлявшие вооруженную свиту магната. В других случаях вооруженные отряды феодала похожи на отряды государственных стратиотов, которых магнаты использовали в своих интересах¹⁹¹. Многие из этих отрядов находились в полном подчинении у феодалов¹⁹². Наконец, была еще одна категория военных дружин, набравшихся из свободных людей. Чаще всего они назывались ἄνθρωποι, впрочем под этим именем мог скрываться и чиновник низшего ранга¹⁹³. Подобных людей Кекавмен называет ὑπρητοῦτες или ὑποχείριοι¹⁹⁴. Правда, особой разницы между свободными вооруженными слугами и челядинцами наметить не удастся (Кекавмен, например, советует всегда иметь при себе какого-нибудь раба или верного свободного). Поэтому не совсем верно было бы усматривать во всех этих примерах доказательство складывания отношений вассального типа, т. е. иерархической организации класса феодалов. Дело в том, что многие из вооруженных слуг магнатов не только не принадлежали к этому классу, но даже не являлись землевладельцами. Их можно было бы сблизить скорее с министерялами, стоявшими лишь на пути к превращению в рыцарей. Исключение составляла здесь лишь фигура самого Кекавмена, несшего службу не только царю, но и частным лицам, и прямо называвшего ее «частной службой»¹⁹⁵. Но признать широкую распространенность подобных отношений нам мешает исключительный характер этого источника. Таким образом, нам кажется, что в распоряжении византийских магнатов не создавалось разветвленной иерархической организации феодального типа и в этом отношении близость византийских и западных порядков была не столь велика, как это иногда предполагается¹⁹⁶.

Но не являясь политической организацией крупных земельных собственников, вооруженные дружины магнатов тем не менее были отличным средством принуждения по отношению к крестьянам. Именно поэтому нам кажется правомерным рассматривать вопрос о вооруженных дружинах в связи с проблемой феодальной вотчины. Крупные земельные собственники, безусловно, располагали гораздо большими средствами принуждения по отношению к своему зависимому населению, чем вотчинники мелкие и средние. Мы вправе предполагать поэтому, что на землях магнатов существовала более развитая система эксплуатации. Магнатское землевладение в XI—XII вв. располагало к тому же и большим историческим опытом, чем мелкое и среднее¹⁹⁷.

¹⁹⁰ ППС, XVII, стр. 104.

¹⁹¹ Некто Хусарий привел к императору Роману Диогену στρατιώτας συγγούς. — Nic. Vruen., p. 47. 25; ср. «войско» (στράτος) в распоряжении Романа Ставромана у Феофилакта Болгарского. — PG, t. 126, col. 524. В.

¹⁹² Атталиат, пожелавший выехать из Редесто, нашел ворота запертыми и под охраной вооруженных воинов некоей Вагадины. — Attaleiota, p. 245.

¹⁹³ Ср. у Кекавмена: κεφαλῆ τοῦ τόπου καὶ τοῖς ἀνθρώποις αὐτοῦ. Strategicon, p. 41. 2.; церковный чиновник у Михаила Акомината также назван ἄνθρωπος. — ЖМНП, ч. 225, стр. 43, прим. 1; ср. у Пселла — SM, II, p. 202. 28.

¹⁹⁴ Strategicon, p. 36. 30.

¹⁹⁵ δουλέσεις ἄρχοντι. — ibid., p. 5. 10.; ср. еще: ἐκπροσωπικὴν δουλείαν. — ibid., p. 40. 4. Между прочим Кекавмен рекомендует бросить эту службу и стать независимым собственником (ibid., p. 76. 15). На наш взгляд, это явное доказательство подтягивания среднего вотчинника до уровня магната.

¹⁹⁶ Ср., например, А. П. К а ж д а н. Формирование феодального поместья. . . , стр. 117—118.

¹⁹⁷ Поэтому, в отличие от поглощенных хозяйственными заботами мелких вотчинников, магнаты имели возможность предаваться разгулу и сельским удовольствиям. Никита Хониат так описывает времяпровождение магната в своем имении: «Конская езда, псовая охота, погоня за оленями и травля зайцев. . . , сельская жизнь с ее палатками» (Nic. Chon., p. 433. 15). Тот же Пселл, так детально знающий заботы

Подведем некоторые итоги. Одним из самых распространенных типов вотчины в Византии XI—XII вв. был проастиий. Он обладал специфической структурой и резко отличался от деревни. Свообразие структуры проастия заключалось в наличии значительного господского домена и еще большего количества пустующих земель. На этих землях, как правило, селили крестьян особой категории — безземельных париков, переселявшихся в помещичьи владения.

Формирующаяся вотчина нуждалась в аппарате принуждения. Потребность в нем была тем более настоятельна, что на зависимое крестьянство оказывала активное воздействие борьба свободных крестьян против закрепощения. Вотчинная администрация успешнее всего складывалась на монастырских землях. Одним из путей управления монастырскими вотчинами был институт харистийкиев, вызванный неспособностью церковных собственников самим справиться с сопротивлением зависимого крестьянства.

Византийская вотчина, как светская так и церковная, поддерживала активные связи с рынком. Вотчинники не только торговали, они подчиняли себе также местных торговцев, создавая ярмарочные центры в своих владениях и захватывая экономические позиции в городах. Особенно энергично вели свое хозяйство мелкие и средние светские вотчинники. Они имели в своих поместьях не только пашни, луга, виноградники и сады, но и мельницы, и мастерские. Мелкую и среднюю вотчину характеризует, таким образом, в отличие от поместий светских магнатов, высокий уровень развития доменального хозяйства.

небогатого помещика, вельможе Роману Склиру подает совсем другие советы: «Живи беззаботно, охоться, проводи дни в счастье среди твоих плодородных деревень. . .» (SM, II, p. 102. 1). Аналогичный образ жизни вел в своем замке вельможа Лев Сгур, окруженный свитой и предающийся воинским забавам (см. Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения. . . — ЖМНП, ч. 225, стр. 65). Пренебрежение к интересам собственного хозяйства отчетливо давало себя знать. Недаром в имении Варис, бывшем в руках ведомства государственных имуществ, сады превратились в пашни, луга и виноградники пришли в запустение и уровень платежей резко снизился. Конечно, эти наблюдения неполны, тем не менее они позволяют наметить черты различия между крупной и мелкой вотчиной не только в области управления, но и в сфере организации доменального хозяйства. Различные же способы хозяйственной эксплуатации своих поместий обусловили, на наш взгляд, разную степень дохода и разную позицию определенных групп вотчинников в общественной борьбе и политической жизни империи в XI—XII вв.
